

БЫВАЛЬЩИНА

Портреты без рам

Лит. газ. - 1994 - 21.09.94 - с. 5.

Шостакович

Судорожными пальцами,
Рывками, словно к кипляку,
Прикасаюсь к очкам
И не может ни и,
Ни руками своим
Найти место.
Большой и мизинец
Трогают дужки очков,
Словно берут октаву.
Шостакович ежится, сутулится,
Слово знобит его,
Он не смотрит на нас,
Потом поднимает глаза пугливо
И сквозь щелки, сквозь стекла
Покальзывающе глядит на нас
И словно бы не видит.
Скоротворкой, с страшными паузами
Он обращается к ушнику своему,
Моему другу Болды, су,
С молодых лет седой к человеку:
— Игорь Георгиевич, все удачно.
Очень удачно.
Да, да, да.
Есть над чем поработать,
Но не увлекайтесь.
Доработками. Переработками.
Иначе всю жизнь.
Будете писать. Одно. Сочинение.
Распочтительно это!
Осуществляйтесь в следующем опусе.
— Понимаю, Дмитрий Дмитриевич.
Шостаковича зовут к телефону.
— Интересно?
Нет! Нет! Нет!
Он любит короткие слова
Повторять резко. Трикратно.
— Да, формалист.
Да, сумбур вместо музыки.
Да, черт знает что...
Так и пишете!
Слова будто он отрывает от сердца
И — отбрасывает.
Кладет трубку, просит прощения.
Трясет наши руки.
Так. Так. Так.
Потом поворачивается к нам спиной.
Сонувшись, что-то записывает
На клочке потного листа
На подоконнике. Доло.
Подходит к роялю.
Мы слышим, возможно,
Только что сочинено,
Ушел в музыку, в ее стихию,

Он где-то внутри ее.
Сидит, не дышит.
Шостакович забыл о нас.
Как хорошо, что забыл.
Лучше бы долго не вспоминала.
Но словно бы просыпается,
Или выходит из облака,
Или из моря.
Лоб расслаживается,
Зрачки увеличиваются,
С унылой растерянкой и виноватой
На искривленных губах
Снова пожимает нам руки,
Трясет их, оттаптывает кнузу.
Рад. Рад. Рад.

Пришвин

Неужели же напрасно тысячелетиями провисела соловей в саду?

М.П.

Мне нравился образ жизни
Этого человека.
Ранней весной он с Юра
Передвигался на Север.
С ним утверждалась погода,
С ним начиналась охота.
Однажды его попросили
Выступить на конференции
В задымленном паприосами
И словесами клубе.
— Друзья, хочу вас поздравить:
Вчера грачи прилетели.
Некоторые устыдились,
Что заняты непотребством,
Большинство свое продолжило
Как ни в чем не бывало:
И покуривали, и покрикивали,
И покривлялись, и потели.

Всю жизнь я читал Пришвина,
Как пьют родниковую воду.
Русская речь его выбрала
Своею верной защитой.
Он был певцом неодолимой весны,
Весны света, весны воды,
Весны трав, весны человека.
Думаю: неужели
Живет в нашу эпоху
Где-то рядом с нами
Такой человек, как Пришвин.
И мне захотелось к Пришвину
В Дунино, под Москваю.

Все исполнится в жизни,
Если сильно захочешь.
Исполнится, только не сразу.
Я видел его трижды:
В редакции и на улице
И на его юбилее.
Но вот неожиданный случай.
Редактор журнала "Октябрь",
Где я в ту пору работал,
Федор Панферов зычно
Провозгласил на собрании:
— Пришвин закончил повесть
Или роман-сказку.
Как это сам называет,
Давайте его попросим
Нашему журналу.
Молчание — знак согласия.
Видимо, признал зайчик,
Ответ майского солнца,
Мне в глаза и на щеки.
Что-то во мне затрещало,
Похожее на удачу,
Но ни слова я не промолвил.
Панферов ко мне обратился:
— Ты чудакъв любими,
Тебе вот и карты в руки.
Поезжай-ка к Михаил Михайловичу
И рукопись привези нам...
Из боржомной бутылки
Панферов налил горючее
И выпил залпом и хрустнул
Огурчиком на закуску.

Дунино — это раздолье,
Это лугов разнотравье,
Это ольшаный вал,
Когда владычит беспарыве.

Это прозрачен воздух,
Это в тоски все звезды
С темного небосклона.
Веранда многооконно
На мир окрестный глядела,
На широкое поле заречья,
На Мясной путь без предела.
Дом, озвученный русской речью,
Стоял передо мною,
Окаймленный голубизною.
— Михаил Михайлович дома?
— Где-то вблизи от дома,
Наверно, по берегу ходит.
Может быть, подождет?
Поищите, если хотите,
— Сказала Валерия Дмитриевна
Спокойно и домовито.
Я сошел к берегу
По зеленому склону.
Во второй половине мая
Запел соловей, значит,
Береза листок пустила.
Соловей тогда запевает,
Когда может росы написать
С березового листка.

Я увидел Пришвина издали.
На пенечке удобно сидел он,
Хрестоматийный Пришвин,
С тетрадкой на коленях.
Рядом бегала Жулька.
Я стоял в отдалении,
Приблизиться не смел
К творческому человеку.
Не знаю, долго ли длилось
Это мое стояние.
Пришвин встал, оглянулся,
Поднял свою тетрадку
И медленно двинулся к дому.
— Вы приехали к соловьям!
— Сказал Михаил Михайлович.
— Это к добру! — и руку
Протянул мне навстречу.
— Можно захватить картофель,
Черемуха зацветает.
— И после неловкой паузы:
— Ваше лицо мне знакомо.
Не в "Огоньке" ли встречались?
Валерия Дмитриевна помнит,
У нее хорошая память.

Провел я весь день в Дунино
До самых сумерек синих
И в парусиновой сумке —
Накорыль, облакан,
Избыта тревога —
Уезз роман-сказку
"Осударева дорога".
Какой день! Какая удача!
Думаю, радуюсь, чуть не плача.
Я видел близко его лицо,
Овеянное ветрами,
Видел руку, написавшую "Жень-шень",
"Кашею цеть", "Лесную капель",
Видел глаза благородства
Такого дерзкого и такого застенчивого.
Несколько дней я ходил по земле
Счастливейшим человеком.
С таким претоматом Пришвина
Я положил на редакторский стол!

Прошло три дня. Рукопись отклонили.
Как так? Почему? Мне не сказали.
Но когда попросили меня поехать
В Дунино и вернуть рукопись,
Прихватив с собой букет цветов,

Довженко

Прихожу, не условясь о встрече.
— Можно? —
— Можно. Еще не вечер.
Заходите, разворошим
Наших мыслей вечерний улей.
Он сыпал образами,
Не придумывал — иначе не мог.
Голова на оленьей шее
Поднята высоко,
Крутая синяя седина,
Лоб, нос, ноздри, глаза,
Красный загар —
Резьба по березу
Местных пород.
Пахирь? Художник?
Кобзарь? Пчеловод?
Вся жизнь
Оплетена кинолентами,
И разными статьями,
И убогими стихами
Бедного Демьяна
Пожелавшего "Землю" Довженко
Срывать с земли
Звонок. Входит Смолич
Юрий Корнеевич,
Прямо с вокзала.
Интеллигентно садится за стол,
Поглаживает, помалкивает.
Говорит Александр Петрович:
— Самовольно и грубо
Вписался Демьян
В сценарий жизни моей
Вместе с...
"С" остается без продолжения,
Пауза, тишь.
Вместо фамилии
Палец поднят
Спрямительно вверх
И там застывает.
Смолич покашливает, озирается,
Шеки Довженко пылают маково.
Он привлекателен
В сдержанной ярости.
Нет усталости,
Нет старости.
Садится в кресло — повествователь.
— Через много лет
В дух соседних палатах
Одной известной больницы
Лежим — я и Демьян,
Назвавший лету мою кулацкой.
Подходит ко мне, говорит
(За язык я его не тяну):
— Не знаю, за что обругал я
Вашу прекрасную "Землю".
Ничего в жизни не видел
Лучше этой картинке...
— Довженко искусно выдерживает паузу.
— Как вы думаете,
Что я ему ответил?
И Смолич, и я молчали.
Довженко же, как вначале,
Стал ходить по комнате.
— Я ничего не ответил, —
Сказал внезапно.
Он был прекрасен в эту минуту.
Одвлек душевную смуту,
Он вернул нас к Десне,
Очарованной Десне,
К тихим вербам в голубизне,
К рывачкой дремоте,
Сказала Валерия Дмитриевна
Спокойно и домовито.
Я сошел к берегу
По зеленому склону.
Во второй половине мая
Запел соловей, значит,
Береза листок пустила.
Соловей тогда запевает,
Когда может росы написать
С березового листка.

Довженко вернул нас к деду Семену,
Васекал про его старость
И как после смерти
На его лице улыбка осталась.
Улыбка после смерти!
Он не дождал до голодомора,
Тем более до Чернобыля,
Случившегося в тиши наших местях,
В царстве рыб,
В королевстве птиц,
На земле Украины.
Под сенью Шербицкого и Горбачева.
Довженко не дождал
До дней Чернобыля.
Та Десна, та Припять,
Тот Черныгов
Остались с ним.
— О Демьян, кажется, все.
Да, я промолчал...
Это так, теперь далеко,
Другая роль была у Смолича,
Моего улыбочного гонителя,
Примозжих пьес сочинителя,
У белокурого Корнеевчука,
Как называл своего фаворита
Сам Сталин...
Вспомнил за этот вечер
Произносится это имя.
— Как вы думаете,
Прямо к чаю.
Вот и зовут нас
Юлия Ипполитовна.
Довженко, увидев ее, просиял.
Ах, Довженко!
Оленья шея.
Пристальный взгляд.
Тоска по невозможному,
Ускользнувшему, как вечерний свет.
Многое пережила,
Выше чайную злосчастия до дна.
Злая милость!
Не дождал до нынешних лет
И — какая удача —
Не увидел, во что превратилась
Его очарованная Десна.

Олеша

Он ревану на себе ворот рубашки
Так, что посыпались пуговицы.
— Что с вами, Юрий Карлович?
Не ответил.
Только сверкнул,
Нет, почеснул
Исподлобья большими глазами,
Серыми до голубизны,
Слегка с зеленою Черног моря
В час вечерний на Ланжероне.
Это была колдуна
Или врублевского Пана,
Который сложил
Могучие руки,
А мог бы землю
Взвалить на плечи.
Долго молчал Юрий Олеша,
Вместе с ним и я молчал,
Подумывая, как бы ретироваться,
Уйти незаметно:
Человеку подчас нужно
Побыть в одиночестве,
Это не менее важно,
Чем дружеская беседа.
Наконец по комнатной диагонали

ОТ АВТОРА.

Новая, идущая к завершению книга моя — серия портретов современников, выполненных в духе словесной графики. Здесь поэты, художники, музыканты, ученые, артисты. Рисуно этих людей в час, который позволяет дать их образ если не в полноте, то в драматическом, а подчас и трагическом напряжении. Каждый из портретов носит имя портретируемого. Памфлетов в этой книге нет.

Многих человеческих судеб я был свидетелем и не имею права не рассказать о них. Дружил со старшими наставниками. Они ушли. Оказалось, среди сверстников у меня досадно мало друзей. Понятие "поколение" очень зыбкое и неточное, условное. Окликни любое десятилетие или любой

век, и рядом с тобой встанет тот, кто тебе лисб и дорог. Эпохи не только аукаются, но и смыкаются.

Передо мною разные люди, творческие личности, макетирующие всех современников, даже не наделенных талантами. Портреты даются на фоне подвижного времени. Они пишутся на полотнах читательского воображения. Читатель — собеседник, почти соавтор. Он волен помогать мои портреты в рамки, которые ему по нраву и по вкусу.

Желание высказаться диктовало мне форму высказывания. Я не искал ее. Она пришла вместе с высказыванием как удобный способ выражения. Легко обнаружить свободный стих, изредка чередующийся рифмами. Таким образом, канон и антиканон существуют в пределах одного автора и даже в пределах одной его книги.

Я напрет отказался.
Вскоре я ушел из редакции.
Вернее — меня уволили
По собственному желанию.

Прошло почти полвека. Срамота.
Как будто я во всем был виноват.
Позор. Недавно пришвинский дневник
Я прочитал, и вновь тот день возник:
"Это был такой удар
По годовому, то я заболел".
Писатель зацпился тем, что он
Пять вариантов дал. И — недоволен.
Видел себя, ведь нет чужой вины,
И всех благодарил, кто помешал
Печатать "Осудареву дорогу".
Мне слышны стлы, один скучней другого:
В вагоне еду, запахом цветов
Овеян, выхожу не там, где надо,
Иду по березке, бросаю в реку
И слышать не могу. "Сюда, сюда!" —
Кричит мне Пришвин. Ничего не слышу.
И просыпаюсь. И цветет сирень.
Листок пустила белая береза,
И соловей росу берет с листка.
И он поет. Ужели зря поет?

Вдруг он остановился
И смотрит —
Не на меня, а куда-то в далекосты
— Я предложил одному журналу
Новую повесть, а может, роман
И прочитал небольшой отрывок.
И что же вы думаете? —
Пауза. — Заинтересовались?
Ничуть не бывало!
"Дайте нам "Зависть!" — они сказали.
"Зависть" написана, — я ответил...
А вы спрашиваете, "что с вами?"
"Что с вами?" — он повторил
И поднял крестистый свой подбородок.

И подошел ко мне близко,
Очень близко, лицо к лицу,
Сказал торжественно и чеканно:
— Прошу запомнить — Юрий Олеша,
Неостребованный писатель...
И он опять заходил сурово
По комнатной диагонали.
Теперь как пленник, или изгнанник,
Или как там на картине Ван Гога —
Урки, движущиеся по кругу,
Заключенному в тюремные стены.
Когда он стал уступать
От неистовства и от гнева,
Я уговорил его
Отправиться на прогулку.
Ему нужно рассеяться
И мне тоже —
Благодарному слушателю
Этого колдуна-рассказчика.
Выходим из ворот,
А в противоположные ворота
Въезжает фурион.
Из него выпрыгивают, как десантники,
Телевизионные мастера:
Операторы, режиссеры, помощники,
Помощники помощников,
Осветители и наблюдатели.
Люди путаются в проводах,
Возвзат в землю треноги,
Шумно оглаживают владения,
Усталые горожане на природе.
Они побывали в двух-трех владениях,
К Олеше не заходили,
Он выпал давно из обоймы,
Называет это опалой.
— Пошли быстрее отсюда! —
Вскрикнул Юрий Карлович
И резко свернул налево.
Он зашагал по алле,
Сступаясь и вместе с тем
Вскинув голову так,

Как умел он один на свете.
Он шел, написавший "Зависть",
Но не завидовавший богатым.
Отказывался от сидения
в президиумах,

От праздничных речей
В присутствии руководства,
От престижных делегаций
И от многого другого,
Соблазнительно для большинства.
Он стал Франсуа Вийоном
Советского Средневековья.
Нищий для него привлекательней,
Чем сытый латибунист.
Лучше ни дня без строчки,
Чем сытый латибунист.
Он писал в стол.
Когда я смотрел на других авторов,
То вспоминал, что они написали.
Я думал о том, что им не написано.
И сейчас, в это мгновение,
Когда я об этом подумал,
Он снова приблизил свое лицо
К моему лицу
И глазами колдуна,
Серыми до голубизны,
Слегка с зеленою Черног моря,
Погладел на меня
И сказал: — Юрий Олеша —
Неостребованный писатель.
Сказал еще чеканней, чем прежде.
Мы молча вошли в лес
И молча вышли из леса.
Заметил потемнела
Сумеречная завеса.
Олеша сказал:
— Я живу вокруг,
И если правду сказать, мой друг,
Не понял ни черта, ни бельмеса.
— Что вы, Юрий Карлович!
— Молчать! Не надо
Меня успокаивать.
"Беспокойство — моя специальность..."

Когда мы входили в ворота
Дома, в котором жили,
Олеша восторженно вскинул голову:
— Смотрите, как вывели!
И стал перечислять звезды,
Которые знал он
Не только по имени,
Но и отчеству и фамилии.

Светлов

Тающий в небе ущербный месяц —
Это профиль поэта Светлова.
Краснеет лба и подбородка
Тянутся друг к другу,
А между ними умная улыбка
Екатеринославского уроженца.
— Я живу среди теней,
Обступивших меня.
Сидят все друзья моей юности,
Иных уж нет.
— Что такое смерть? —
Спросил он.
И сам же ответил:
— Присоединение к большинству,
Сказал он мне за столом
В шумном коктейль-холле,
Который он называл котельной.
Печальнейший из людей,
Он аглялся их весельем
И прослыл Ходжей Насреддином
Нашей поэзии.
Он пригубил коктейль,
Закурил и снова
Задал вопрос:
— Что такое поллитра?
И сам же ответил:
— Одна большая капля.
Светлов никогда не пил,
Но — запил.
— Почему полюбил я жидкость?
Во-первых, жид,
Кость — во-вторых.
Тем самым Светлов
Указывал на свою худобу.
— В двадцать восьмом меня
Вызвали вдруг туда, —
Жест указательным пальцем
Снизу вверх, —
И сказали мне так:
Мы вас знаем.
"Гренада", "Пирушка",
Знайте и нас,
Помогите нам выловить
Этих трюксистов.
"Я сам трюксист", —
Выпала я.
Знаем, знаем,
Поэтому вам легче их обнаружить.
Пауза — свистящий полет
С высокой скалы в пропасть.
Завтра же в это время
Приходите, мы ждем ответа.
И пошел я домой с Лубянки.
Маялся, маялся, скорбел,
Не зная, куда себя ткнуть.
Спать лег — не спится,
Сел — не сидится,
Встал — не стою,
Что делать?
Промучился до утра
С треском поплам, кое-как.
Утром рано звонок.
Пристал земляк,
Моей юности друг.
Не один — с бутылкой,
Не только с бутылкой —
С обильной закуской.

Выпили — стало легче.
Добавили — стало легко.
Еще добавили — к небу взлетели.
Пообедали — жить прекрасно
В эту пору, в этой стране.
В назначенный срок
Повел на Лубянку.
— Что ж, Светлов,
На ногах не стоим!
Пьянчики нам не нужны,
Прочь!
Меня прогнали —
Какой подарок.
Я шел домой —
И душа пела
И не желала
Играть в рифмы...
Простым способом
Так неожиданно,
Так случайно
Можно решить неразрешимое.
Влага с градусами...

Светлов отпал из бокала
И опять закурал —
С охотой, самозабвенно,
Долго
Длилось его молчанье.
Очнувшись, он сказал:
— Слишком мрачно мы с вами
Повоорили сегодня,
Собственно, это я вас заговорил.
Отдохнем от острот.
Давайте пойдём по Москве,
По колыму бульваров.
Пойдем в Нескучный
И не будем думать о том,
Кто нас ждет за углом,
Даже если он
Наш действительно жест.

Он зашагал, степенно сутулясь,
Одна его рука за спиной,
Другая за пазухой рваной рубашки.
Глаза полуслыли
По мне вторично.